КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Д.В. Белобородов*

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА: ФЕОДАЛЬНЫЙ СУБСТРАТ

В данной статье рассматриваются архаические тенденции феодальной ментальности, проявившей себя в российской культуре 1990-х годов, оценивается их роль в контексте современной истории.

Один из наиболее известных западноевропейских писателей и культурологов, профессор М. Брэдбери, размышляя о новом этапе становления западноевропейской культуры 1980– 1990-х годов, говорит о том, что она началась с сокращений. « Летом 1986 года повсюду шли сокращения...Сокращали внешние службы Би-би-си, укрощали инфляцию, резали науку и искусство. Тяжелая промышленность теряла в весе стали и угля, уменьшались общественные расходы, опускались процентные ставки, шла борьба с перепроизводством и лишними рабочими местами. Протягивали новые дороги, но затягивали туже пояса, кромсали бюджеты школ и университетов, рубили драконьи головы излишества, подрезали крылья здравоохранению, закрывали больницы, открывая дорогу в рай. Одни говорили, что страну режут на части: север отделяют от юга, богатых от бедных. Другие – из тех, кого укорачивали, – жаловались на то, что сокращения – это своего рода национальное харакири, самоустранение страны, находящейся на грани катастрофы. Но те, кто укорачивал сам и не без расчета на личную выгоду, утверждали, что хирургическая операция по устранению гнойника расточительства была совершенно необходима и что теперь жить в стране будет лучше, много лучше» [1.С. 161].

Далее, М. Брэдбери успешно связывает социально-политические аспекты онтологических воззрений британцев с культурно-историческими: «...В этот год перекраивалась не только экономика, но и туалеты: модные кутюрье с Хай-стрит произвели форменную революцию: теперь дамы в юридических консультациях, дававшие советы, как действовать, когда тебя режут, и как вести себя, когда режешь ты, носили строгие костюмы с короткими юбками и острыми, как бритва, лацканами и плечиками. Подрезались не только юбки, но и волосы: короткие прически и челки (иногда попадавшиеся забавные косички не в счет) придавали людям подтянутый, строгий вид – возвращалась атмосфера чопорных пятидесятых. Старались не пить и не курить, на столиках в ресторанах стояла минеральная вода и отсутствовали пепельницы, если, конечно, столики не

* Белобородов Д.В., 2006

Белобородов Дмитрий Владимирович – кафедра философии Самарского института сервиса

пустовали вовсе – в то лето ели мало, чтобы меньше весить...Общая участь постигла и секс, прелюбодеяние стало быстрым и деловым – ведь женщины были так заняты... Полигамию сменила моногамия, место секса занял гендер, и женщины, которые раньше говорили о любви, теперь говорили только о сексуальном домогательстве. Зато деньги приобрели сексуальность, и какую!» [1.С.162] Все эти несколько художественные, но вместе с тем потрясающе проницательные наблюдения не лишены правдивости и представляют значительный интерес для нашего исследования.

Что же касается российской культуры, то для нее 1980–1990-е годы были связаны не столько со скачкообразным, сколько с разрывным переходом к модели плюралистичного, открытого общества, и потому отечественное культурное пространство скорее не сокращалось, а переворачивалось. Россия активно заимствовала все то, что сбрасывал с себя Запад, и в результате перегрузила естественные рецептивные возможности своей семиосферы до такого предела, что пришлось жертвовать частью национальных ценностей. Это, в конечном счете, привело к целой серии своих внутренних сокращений, но, тем не менее, сама историческая ситуация в российской культуре резко отличалась от западноевропейской. Российская культура в 1980-х годах не сбрасывала, а набирала. Ценности не просто уничтожались, а как бы менялись местами: «То, что все советские десятилетия воспринималось как коммунистическое будущее, вдруг оказалось прошлым, а буржуазное и феодальное прошлое стало надвигаться с той стороны, с какой ожидалось будущее. Будущее и прошлое поменялись местами. Вся перспектива истории, когда-то уверенно начертанная марксизмом, вывернулась наизнанку, и не только для России, но и для всего человечества, так или иначе втянутого в коммунистический проект хотя бы через противостояние ему. Пережив свое собственное будущее, очутиться вдруг в арьегарде мировой истории, на дальнем подступе к капитализму или даже на выходе из рабовладельческой системы – такого шока столкновения с собственным прошлым не испытала, пожалуй, ни одна из современных культур» [2.С. 169].

Как ни странно, но эта мысль подкрепляется целым рядом достаточно любопытных наблюдений за стилем жизни новоявленной российской буржуазии, который мировоззренчески, по своим социокультурным параметрам, тяготеет не столько к капиталистической, сколько к средневековой формации. Огромные, массивные, грубо вздыбленные над пустынными русскими равнинами загородные дачи-особняки по своей архитектуре чем-то напоминают феодальные замки. Причем даже не столько готического, сколько романского стиля. Просторные залы нестандартных комнат, камины, высокие потолки, винтовые лестницы, глубокие подвалы, полукруглые башенки и открытые террасы, окна, забранные декоративными металлическими решетками, сильный охранный периметр: прожектора, широкие закрытые ворота, трехметровые бетонные заборы, чем-то напоминающие крепостные стены [в последнее время пошла мода делать забор не из бетона, а из красного кирпича под цвет дома: дача и ее ограда воспринимаются как некое архитектурное целое, подобие замка], сторожевые псы, минимум интереса к садово-парковой культуре – все это никак не вяжется с открытой культурой русской усадьбы в духе XIX века.

Ко всему прочему «новые русские» зачастую практикуют именно явно средневековый стиль поведения в бытовой жизни. Их представитель ведет себя не как демократичный, образованный, западноевропейский аристократ, а как могущественный феодал. Он ходит с личной охраной, среди которой более всего ценятся грубая сила и беззаветная преданность своему «сеньору». Бизнес территориально ограничен «своей землей» и «нашими точками», имеющими значение собственной вотчины. Вместо транснациональной, столь широко распространенной в капиталистическом мире миграции капита-

ла, крупные российские предприниматели тяготеют не к обороту заработанных (или разворованных) денежных средств, а к их устойчивому накоплению. В начале 1990-х годов вместо того, чтобы проводить крупные денежные платежи через банковский сектор, новые русские предприниматели вели расчеты только в виде оборота наличных средств или в виде бартерных сделок (прототип натурального обмена в средневековом аграрном хозяйстве). Деньги перевозили особые доверенные лица прямо чемоданами и передавали их из рук в руки, пересчитывая на купюросчетных машинках. Все это гораздо больше напоминало именно феодальный меркантилизм с его территориальными поборами, уплатой дани, складами сундуков с золотом, запрятанных в подвалах поместий и крепостей, чем современный рыночный монетаризм или кейсианство.

Как отмечает В.Федотова, в те годы « анархия была результатом негативной мобилизации масс в ельциновском социальном контексте, реконструируемом как «делайте, что хотите, но голосуйте «за». Не политическая манипуляция, а тождество архетипов народа и правящей элиты 90-х привели к этому соглашению. Количество людей, вовлеченных в неформальную экономику, составило 30-40 млн человек, поддержавших Ельцина на выборах 1996 г. только за то, что они имели возможность не иметь дела с государством» [3.С.9]. Такого рода «анархические бунты» 1990-х заканчивались их тотальным «усмирением» со стороны «влиятельных сеньоров»: расстрел парламента, силовые разгоны демонстраций ОМОНом, организуемых социалистами, «Гринписом», антиглобалистами и т.д., это как раз и говорит о том, что мода на недемократическое, силовое решение проблемы в стране, провозглашавшей себя сторонницей демократии, является продуктом не каких-либо политических конфликтов, а несколько иной, эпохально-исторической ментальности.

Все эти события находят свое отражение не только в научно-публицистической, но и в художественной литературе, более приближенной к точному воспроизводству конкретных форм современной реальности. Вот что пишет на этот счет один из провинциальных сибирских писателей А. Лаптев: «Что бы там ни говорили, далеко нам еще до царства справедливости. Непротивление злу насилием нынче не в моде. В моде кулаки и дубинка, в моде оружие всех сортов, ракеты дальнего действия, а также истребители среднего звена. Все мы слышали про то, что государство, дескать, есть машина для подавления и принуждения личности. Многих интеллигентных людей обижает подобный взгляд на государство. Не будь правил и ограничений, не будь государства с его отлаженной системой принуждения — в обществе царил бы хаос, который некоторые величают анархией. Все держится на страхе. Индивидуумы позволяют себе лишь столько, на сколько хватает сил. Не больше, но и не меньше. Еще существует голод. Это второй после страха фактор. Ради куска хлеба человек идет на все. И честное слово язык не поворачивается обвинить его за это. Потому что хлеб — это жизнь. А у нас провозглашен примат жизни» [4. С.75].

В рамках «криминальных войн» за сферы влияния анархистское мышление 1990-х вылилось в различные формы «беспредела», с которым боролись «правильные пацаны», «настоящие воры в законе» и т.д. (См. кинофильмы: «Барон», «Бригада», «Ледниковый период», «Антикиллер»). В итоге одержали верх «новые феодалы», установившие в стране «свой порядок» и подавившие тот «беспредел», который наносил серьезный ущерб их личным интересам, поскольку « анархически настроенные люди не согласны не легитимизацию любого авторитета и власти, включая демократическое государство. Анархизм есть негативная форма индивидуализма, отрицающая не только власть, авторитет, но и интересы другого. Это — идеология жизни на уровне базового выживания, которая до определенной степени допускает прямую демократию (коллек-

тивные решения, но не демократическое государство), мелкую собственность и прямые действия. Эти люди стали жертвами в 1998 г. анархической игры верхов, приведшей к дефолту. Дефолт имел и некоторое позитивное значение: он показал ошибочность позиций радикальных реформаторов, люди из секторов серого и черного рынка были вынуждены вернуться в сферы реального производства. Из ста «челноков» (торговцев товарами, закупаемыми ими в Турции, Китае, Венгрии и пр. и продаваемых в России) в 1998 г. сохранило бизнес только восемь» [3.С. 9].

1990-е годы – это пик недоверия к ценным бумагам (их скупка в начале последнего десятилетия была скорее синдромом доверительного советского менталитета, за что и поплатились вкладчики ГКО), выразившийся в стремлении вкладывать свои сбережения даже не в деньги и не в банковские обязательства, а в нечто более существенное, материальное – золото и драгоценности. Все это также тщательно пряталось, увозилось, скрывалось на чужих территориях, зарывалось в землю, замуровывалось в кирпичных стенах загородных особняков, но только не пускалось в финансовый оборот, как это принято в высокоразвитых капиталистических странах, где главный принцип рыночной экономики выводился по формуле: S=I – сбережения должны быть равны инвестициям. В России же крупные деньги новоявленных феодалов никогда во внутренние инвестиции не перетекали, и причиной тому была даже не столько обычная экономическая безграмотность населения, сколько их реанимированный социокультурный менталитет.

Аналогий здесь можно проводить достаточно много. Средневековый рыцарь добывал себе деньги тем, что либо собирал со своих подданных дань, либо делал набеги на уделы соседних князьков, отнимал у них золото, драгоценности и перевозил все это в свой замок, храня до тех пор, пока их не отбирал у него куда более сильный «владыка». Наши «братки» поступают примерно также. Структурная иерархия и стилистика поведения отечественного криминального мира организованы по феодальной модели.

На что мог потратить завоеванные деньги могущественный сеньор? Либо на укрепление своего замка (новые стены и охранно-технические сооружения в современном эквиваленте), либо на увеличение числа личной охраны (набор в «бригады» новых «бойцов»), либо на закупку нового вооружения. Последнее заслуживает более пристального внимания. На страницах своей широко известной книги «Истоки средневекового рыцарства» Ф. Кардони пишет о том, что в отличие от пешего воина (им чаще всего был слуга феодала – кнехт) рыцарь все время передвигался в конном строе. Хорошо обученный конь ценился не только своей быстротой, но и выносливостью. Соответственно, он стоил огромных денег, чуть ли не целого фамильного состояния, и тоже вместе со всадником заковывался в броню. В своей жизни рыцарь не мыслил себя вне такого могущественного «транспортного средства». Точно так же закованные в кевларовые бронежилеты современные «новые русские» не мыслят себя вне бронированных «шестисотых мерседесов», «джипов», «хаммеров» и «лендкрузеров», стоимость которых также равна чуть ли не стоимости целого фамильного замка. Дорогостоящие автомобили, как и выносливый рыцарский конь, служат олицетворением брони и скорости.

Однако этим становление неофеодального менталитета в аксиологическом пространстве современной российской культуры не ограничивается. В эпоху огнестрельного оружия на 1980–1990-е годы в России приходится бум увлечения восточными единоборствами, архаическими формами рукопашного боя и владения холодным оружием. При обысках у рядовых бандитов и профессиональных киллеров милиция изымала дорогостоящие боевые и метательные ножи с двусторонней заточкой, ртутными столбиками, разнообразными зазубринами и желобками для стока крови, сделанными из специаль-

ной хорошо закаленной в огне стали – вещи, казалось бы, совершенно бессмысленные для стандартной техники убийства, которое гораздо легче совершить с помощью автомата, пистолета или снайперской винтовки с глушителем. Тем не менее, метательное холодное оружие и до сих пор не выходит из арсенала спецслужб. Так, например, совершенно недавно на вооружение российских антитеррористических подразделений поступили тяжелые квадратные пластины с угловой заточкой. В отличие от обычного метательного ножа они имеют гораздо большую дальность эффективного броска (не 8, а 12 метров) и по причине своей массивности обладают просто неимоверной силой удара. Одним из наиважнейших достоинств этого оружия стало и то, что такие пластины можно метать сразу с двух рук, причем точность броска от этого не страдает.

Наступление новой эры разработки новых видов холодного оружия обусловлено тем, что накануне XXI века **изменяются контуры привычного поля боя**. Теперь им становится не природный ландшафт, не городская местность, а борт авиалайнера, где применение огнестрельного оружия против угонщиков-террористов становится невозможным в силу опасности разгерметизации салона. Сами же террористы, не имея возможности пронести через контроль любой смертельно опасный металлический предмет, нередко берут с собой не металлические, а пластиковые ножи, изготовленные из особых сортов максимально твердого пластика, подвергающегося настолько виртуозной острой заточке, что им можно легко перерезать любое горло. В рукопашном бою он по силе удара ничуть не уступает своим металлическим аналогам, но в отличие от последних совершенно не обнаруживается металлоискателем. Как видим, этот столь необычный новый виток своеобразной «гонки вооружений» имеет не технологические, а неофеодальные координаты развития воинского искусства.

Наконец, рецидивы средневековой культуры довольно устойчиво проявляются и в нашей повседневной жизни. Это и высокие закрывающие глаза капюшоны на черно-серых балахонах рэпперов (некий модифицированный аналог монашеской рясы), и теплые «водолазки» с подворачивающимся, доходящим до подбородка воротником (похожую одежду когда-то носили под кольчугой средневековые рыцари), и массивные, грубо слепленные золотые цепи на шеях «братков» – феодальный символ богатства, власти, могущества. Последний феномен относится даже к ментальности раннего, романского, а не зрелого (готического) средневековья, где большую ценность обретает уже не сам материал, а его художественная обработка.

Знаменитый зарубежный культуролог Лео Мулен видит проявление средневековой моды даже в субкультуре городских рокеров, металлистов и хиппи с их манерой носить рваные джинсы и нашивать поверх них искусственные заплатки, что рассматривается с их стороны как знак социального протеста. Ведь в средневековье столь популярное для священнослужителей «требование бедности приводило к тому, что монахи без всякого стеснения, а скорее даже с гордостью носили изношенную, латаную одежду (за исключением тамплиеров – монахов-воинов). Св. Бенедикт Аньянский смирения ради латал свой куколь заплатами из ткани другого цвета, дабы, по словам Элио, «навлечь на себя насмешки других монахов, которые оскорбляли его и считали безумным» [5.С.120-121] ...Именно тем самым он точно так же, как и представители современной контркультуры, сделал ставку на дезавтоматизацию привычной манеры поведения ради привлечения к себе внимания путем реализации оригинального имиджевого действия. « Нет ничего страшного в том, что Бенедикт Аньянский за неимением лучшего носил пестрый от заплат куколь. Но то, что он добровольно, ради умерщвления плоти выступил предшественником наших хиппующих юнцов, доказывает, что можно быть великим человеком и в то же время не ведать, как далеко зайдешь. Во всяком случае церковь, проявляя

терпимость, никогда не поощряла разного рода экстравагантность, придерживаясь мнения, что сам Христос одевался хорошо, если стража у креста бросала жребий, деля его ризы, и что не следует выставлять себя большим католиком, чем папа римский» [5.С.121].

Рецидивы современного феодализма сказываются и в повышенном внимании к корпоративной и политической символике. Почти каждая российская фирма в 1990-х годах стремится обзавестись своим оригинальным логотипом, слоганом, чтобы в итоге увеличить стоимость товара за счет рекламы его бренда[1]. Все это замещает ту нишу, которую в средние века играли геральдика и рыцарский девиз. «Каждую секунду мы превращаем в доход наших клиентов» [Инкомбанк], «Солодов. За качество отвечаю», «Имидж – ничто, жажда – все. Спрайт. Не дай себе засохнуть!», «Старый мельник – душевное пиво». Свои слоганы имеют даже знаменитые фильмы. «Матрица. Реально все, во что ты веришь», «Человек бессмертен, пока он любит. Влюбленный Шекспир», «К-19. Трагедия рождает героев». Как видим, в отличие от культуры романтизма, классицизма, реализма и модернизма, современное произведение искусства не скрывает свой смысл в недрах художественного образа, а, наоборот, активно его позиционирует, выводит наружу, привлекает к нему реципиента. Современные книги содержат на задней обложке краткие аннотации, рассчитанные на обнаружение общих черт сюжетной канвы изображаемых в них событий. **Содержание текста не скрыто, а раскрыто, оно находится не внутри, а поверх формы.**

Так же, как и в средневековье, в современной эпохе чрезвычайно развита культура жеста. Свои специфические жесты есть фактически в каждом молодежном движении – у панков, рокеров, металлистов, скинхедов: «фак», «рогатая бука» под «хеви металл». В одной из молодежных передач 1992-го года руководитель группы «Кар-мен», основоположник российского «техно-рэпа» и «экзотик-попа» Сергей Лемах обучал телеведущего Ванечку Попова тому, как нужно правильно здороваться в «своей» компании. Это был действительно очень сложный ритуал. Сначала здоровающиеся люди сцепляли большие пальцы руки, не касаясь друг друга ладонями, затем расцепляли их и сцепляли только передние четыре пальца, не касаясь большими, после чего ударялись друг о друга сжатыми кулаками и только потом хлопали сверху ладонь о ладонь. Традиционное рукопожатие исключалось.

Любопытно и то, что клички наших «блатных» формируются на средневековый манер, указывающий на принадлежность человека к какой-то конкретной территории: Ансельм Кентерберийский, шериф Ноттингемский, Вася Питерский, Женя Кемеровский, Ахмет Ташкентский...Точно так же, как и названия преступных группировок: «солнцевская», «балашихинская», «кемеровская», «тольяттинская» и т.д.

В 1990-е годы ликвидация СССР привела к развалу централизованного государственного производства. После приватизации оно разделяется, делится на мелкие вотчины отдельных олигархов: «аллюминиевых королей» и «новых нефтяных шейхов». Возникает более сильное обособление регионов, все въезды и выезды за границы области и города обносятся постами ГАИ, губернаторы выносят постановления об ограничениях на ввоз-вывоз дефицитных товаров и т.д.

Российское село нищает. Колхозы ликвидируются, их имущество разделяется на индивидуальные паи, которые либо пропиваются, либо скупаются новыми «кулаками».

[1] В советские времена такой тенденции не было. С брендом, наоборот, боролись: «Кто носит джинсы «Адидас», тот завтра Родину продаст». В капиталистической России девятнадцатого века иногда можно было встретить несколько образцов отечественного бренда, но он так и не получил широкого распространения в обществе – его социальная реанимация началась только в 1990-е годы («Пейте настоящий русский водка «Распутин»! Из Германии».) [Это не опечатка, а дословный рекламный текст. – *Д.Б.*]. Слоганы в позапрошлом веке вообще не практиковались.

И нередко в русской глубинке можно увидеть такую картину: посреди деревни меж стареньких, бревенчатых изб и полусгнивших заборов стоит огромный новенький трехэтажный особняк, огороженный двухметровым каменным забором. На его огромной территории, размером с десятую часть всей деревни, находится все: сельхозтехника, корма, запасы продовольствия, личный дом и гараж под частный «лендкрузер» русского феодала, охраняемый цепными овчарками благородной породы. Все остальные жители деревни работают только на него, так как больше денег взять неоткуда. А продукты покупают в его же собственном магазине, не в силах добраться куда-нибудь в ближайший райцентр по причине неимения или высокой дороговизны транспортных средств. В среднем за ненормированный рабочий труд обычный крестьянин получает от нового феодала по 500-600 рублей в месяц (при прожиточном минимуме в 2 500 рублей), а иногда, в период сезонных работ, их даже дополнительно кормят. Последнее становится причиной особенного восторга со стороны рабоче-крестьянского «смерда»: «Вот когда хозяином в столярке у нас был Данила, то мы месяцами денег не видели. Иногда подойдет, как собакам, кинет нам по полтиннику, как хошь, так и живи. А теперь, как на Палыча стали работать, то он денег побольше платит. А как крупный заказ пойдет, и мы значит, в ночную смену остаемся, он нам помимо денег на бригаду обязательно буханку хлеба выставляет, банку тушенки, стакан сахару и пачку сигарет на день. Это, говорит, чтоб вы с голодухи не сдохли, а то все деньги пропьете, жрать будет нечего и на меня работать не сможете. Вот это хозяин у нас так хозяин!». Разумеется, что такой образ «счастливой жизни», про которую нам в 2002 году рассказал деревенский столяр из Шегарского района Томской области, совершенного не вписывается ни в советский, ни в современный либерально-демократический менталитет западноевропейского капитализма. То, с чем мы встретились, скорее напоминает психологию обезземеленного российского крестьянина конца девятнадцатого века, пережившего юридическую отмену крепостного права, но фактически так и оставшегося жить в зависимости от воли своего «влиятельного сеньора». И это не такое уж редкое явление для повседневной жизни аграрной России XXI века.

Еще в романском периоде раннего средневековья, когда не люди не имели возможностей возводить крупных городов, монастырей и замков, на территории современной Франции и Испании развивалось только мелкое кустарное искусство: изготовляли ковры, маленькие статуэтки из кости, в монастырских скрипториях процветала каллиграфия и книжная миниатюра. С тем же самым неожиданно ставшие «кооператорами» российские жители столкнулись и в начале 1990-х годов. На рынках продавались железные фляжки, ножи, поделки из хрусталя и камня, матрешки с физиономией Горбачева и Ельцина, бейсболки, футболки и рюкзаки. Материальная культура сконцентрировалась именно здесь, освоила именно эту сферу жизненного пространства.

В социальной жизни часто практикуемая избирателями ставка на лидеров, а не на партии — это тоже проявление феодальных рецидивов. Не секрет, что партии «Единая Россия», «Родина» и ЛДПР пробивались на выборы в Государственную Думу исключительно только лишь на авторитете своих идейных руководителей: В. Путина, Д. Рогозина, С. Глазьева и В. Жириновского, а не благодаря своим программам и партийным спискам.

Современная культура, так же как и средневековье, стали областью сосредоточения тайн: личных (частная жизнь «звезд», скандал между Биллом Клинтоном и Моникой Левински), государственных (доклад Колина Пауэла от том, что США начали агрессию в Ираке, заранее зная, что там нет оружия массового уничтожения), ведомственных (заговоры ЦРУ, ФСБ, исламских фундаменталистов), корпоративных (промышлен-

ный шпионаж, дело ЮКОСа), подобно тому, как в средние века каждый цех тщательно хранил свои мастеровые тайны и тщательно оберегал их от зоркого ока соседей. Наши современные фирмы также усиленно озабочены проблемой сохранения коммерческой тайны. Тот же принцип действует в нашей науке и образовании, где творческая интеллигенция с особой щепетильностью изучает закон об авторском праве и интеллектуальной собственности.

В условиях распространения Интернета, аудио- и видеопиратства создаются целые кафедры и факультеты защиты информации, лазерные диски и компьютерные программы блокируются контроллерами, лицензионными номерами. Наиважнейшие научные идеи прячутся от общественности и продаются за солидные деньги только избранным. Если в советские времена любой студент мог зайти в соседний институт и прослушать вместе с потоком своих коллег лекции знаменитого профессора, то теперь в ведущих университетах России складывается крайне жесткая пропускная система. А руководство в связи с острой конкуренцией вузов и борьбой за платных студентов тщательно следит за тем, чтобы «чужие» студенты не проникали в стены родной «альма матер» и не похитили в ней тех знаний, за которые не заплатили. Если в Советском Союзе человек за знания не платил, наоборот, ему платили за то, что он хочет что-либо знать (стипендии, надбавки и премии за повышение квалификации), то сейчас все обстоит иначе.

Конец XX века в России – это не Новое время, на заре которого Ф. Бэкон критиковал знание средневековых магов и алхимиков за то, что оно скрыто от широкой общности людей и имеет сугубо частный, корпоративно замкнутый характер. С гораздо большей очевидностью в нем угадываются черты старого, но далеко не «доброго» средневековья.

Развитие индустрии тайн обычно всегда сопровождается массой подделок и производством ложных культурно-символических, политических или религиозных ценностей. Так, например, в средние века широко практиковалась торговля различными святынями. По всей территории Западной Европы ходило столько «щепотей от Креста Господня», из которых можно было выложить не один барак. Часто практиковалась подделка печатей. Так, например, «секретарь св. Бернара из Клерво обманывал его много раз и тот был вынужден заменить анонимную печать с надписью «Печать аббата Клерво», которой пользовался до сих пор, на другую «Печать аббата Бернара». Аббат или приор, освобождаясь от обязанностей, должен был отдать печать капитулу. После смерти аббата его печать бережно сохранял генеральный капитул. Позднее, во избежание злоупотреблений, капитул постановил уничтожать печать покойного во время выборов нового аббата, причем эта процедура осуществлялась в присутствии визитатора» [5.С.190-191].

Та же волна подделок захлестнула Россию и в 1990-е годы. Пытались подделать почти все, что можно: чеченские авизо, доллары и рублевые купюры, российские паспорта, виды на жительство для иммигрантов и беженцев из ближнего зарубежья, различные лицензии, акцизные марки на «палевой» водке, подделывали даже фирменные бутылки под дорогой «импортный коньяк» и пенсионные удостоверения для бесплатного проезда на общественном транспорте.

Как всегда в таких случаях не обходится и без курьезов. «В июле питерское отделение НБП активно протестовало против захоронения в Михайловском соборе «екатеринбургских останков» – по официальной версии, костей последнего императора России и его семьи. 16 июля члены НБП вместе с дружественными скинхедами пытались перекрыть Московский проспект, по которому должны были доставить гробы. Акция сорвалась из-за обилия милиции, двоих нацболов арестовали.17 июля при поддержке коммуниста-анпиловца Владимира Леонова нацболы доставили к Петропавловской крепости настоящий скелет, пособие из медицинского института. По дороге машину со ске-

летом дважды пытались остановить, но Леонов отвечал, что скелет везут в качестве «экспоната в музей политической истории». Одновременно с официальной церемонией захоронения национал-большевики провели митинг, на который вывели несколько сот человек. Ельцина встретили скандированием лозунга «Кости — собакам!», а собравшимся прохожим разъясняли, что именно национал-большевистский альтернативный скелет — настоящий царь, «хотя в жизни он был гавно», а хоронят подделку» [6. С.82].

Применительно к сравнительному анализу двух культурно-исторических эпох — современности и феодализма — следует упомянуть и достаточно любопытную концепцию Л. Мулена, согласно которой средние века «характеризуются жизнью сообща, наличием связей человека с человеком — уз верности и вассалитета. Но присущее еремитам видение мира — это существование в одиночестве, антисоциальная жизнь во многих отношениях. Жизнь еремита или отшельника по существу антифеодальная, антиклерикальная, даже отчасти антимонашеская (Б. Блиньи). Еремит любил природу, животных. Он хотел быть независимым, самостоятельно путешествовать, быть вдали от людей и в лесу, и на море, и в пустынном скиту. Он хотел вести жизнь свободного человека в поисках уединения, молитвы и мира — жизнь в конечном счете парадоксальную, ибо это было «призвание в орден без настоятеля, делами милосердия без братии и апостольским служением без дел» (Ж. Леклерк). Так ли уж мы далеки от этой контркультуры и образа жизни, которые составляют предмет мечтаний нашей современной молодежи? Результаты опроса, проведенного Жаном-Пьером Корбо и опубликованного недавно в «Нувель Литтерер», показывают, что основные идеи молодежи таковы: возврат в деревню и отказ от городской жизни, простое и здоровое «природное» питание, ценность уединения и жизни в ограниченном кругу, новые формы человеческих отношений, поиски духовной тождественности и особенно «возможность вернуть сокральность повседневному труду». Эта бессознательная ностальгия по определенному типу монашеского образа жизни проявляется также в столь распространенном вегетарианстве, в голодовках протеста, в отказе от собственности, в ношении бороды, иногда в неопрятности» [5.С.311].

Действительно, хиппи и панки сидят на полу, путешествуют автостопом, не желая платить за проезд деньги, и собираются в социально непрестижных местах: подвалы, свалки, крыши домов. Их привычка совершенно немотивированно поджигать помойки, не для обогрева, а просто для зрелища — это также средневековый синдром, не имеющий ничего общего с рациональным капиталистическим менталитетом.

Однако сравнение молодежных субкультур по своим аксиологическим доминантам с нищенствующими монашескими орденами средневековья представляется нам весьма спорным. Да, неформалы носят намеренно разодранную, изношенную одежду, играя на гитарах в местах скопления людей, просят милостыню. Но их «стремление вернуть сокральность повседневному труду» и попытки «перебраться из города в деревню» никак не соответствуют настоящей реальности. Неформалы — это детище городской культуры, полностью зависимые от ее социальной структуры и к тому же остро осознающие свою обреченность на постоянную принадлежность к ней. Они в большей степени, чем монашество, привязаны к деньгам, к самореализации в светской жизни. В отличие от монашеской уединенности от мирской жизни, молодежная культура намеренно пытается привлечь к себе внимание со стороны общества экстравагантными прическами, манерой одежды, нестандартным стилем поведения.

В средние века не было «ничего более размеренного и однообразного, чем монашеская жизнь. Стать монахом — значит, отказаться от ритмов нашего времени, взять на себя обеты независимо от временных и интеллектуальных перемен» [5.С.52]. Наши не-

формалы в этот идеал не вписываются. Они конфликтуют не со временем, а с социальной системой. И их поведение запрограммировано **не на уход от времени, не на замедление, а на его слом, предпочитая не размеренный, а интенсивный ритм жизни**...

А мы с тобою будем вместе
Как Сид и Ненси, Сид и Ненси.
И никогда не доживем до пенсии.
Как Сид и Ненси, Сид и Ненси.

Итальянский профессор Луиджи Ломбарди Валлаури говорит о том, что в средневековом монашеском менталитете доминировало «посвященное» время, некая спокойно переживаемая во времени вечность. «Поскольку я не располагаю будущим , то я весь в настоящем...я никуда не спешу...я в буквальном смысле не могу терять свое время... Это время, в котором качество главенствует над количеством». Современный же человек крайне обостренно ощущает потерю времени. Более того, потеря времени кажется ему чем-то трагическим, интенсивность его проживания приобретает в неформальных молодежных субкультурах чуть ли не героическое звучание.

После распада СССР российская культура конца XX века пережила кризис футурологии и в то же время не смогла жить прошлым. Ее удел – современность, но современность непрояснимая, лишенная какой бы то ни было устойчивой определенности и совершенно оторванная от средневекового идеала вечности.

Библиографический список

1. Бредбери М. Сокращения // Иностранная литература. 2002. № 12.
2. Эпштейн М. Хроноцид. Пролог к воскрешению времени // Октябрь. 2000. №7.
3. Федотова В. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12.
4. Александр Лаптев. Как я работал охранником//Роман-газета. 2003. №8. С.75.
5. Лео Мулен Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы X-XV вв. М.2002.
6. Лихачев В. Нацизм в России. М.,2002.

D. Beloborodov

THE MODERN RUSSIAN CULTURE: A FEUDAL SUBSTRATUM

In given article are considered archaic trends feudal mentality, manifested themselves in Russian culture 1990 years, is valued their role in context of the modern history.